

УДК 346.5

М. Г. Миненок

ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: РЕАЛЬНОСТЬ И ФИКЦИЯ

73

Исследованы наиболее опасные и долговременные детерминанты современной преступности. Сделан вывод, что институт предупреждения преступности в нынешних условиях развития общества не эффективен.

This article focuses on the most dangerous and long-lasting detrminants of modern crime. The author arrives at a cobclusion that the institutio-nof crime prevention is inefficient in the current condition of society develop-ment.

Ключевые слова: преступность, предупреждение, бедность, коррупция, конфискация, приватизация, нравственность, наказание.

Key words: crime, prevention, poverty, corruption, confiscation, privatisation, morality, punishment.

В соответствии с ч. 1 ст. 7 Конституции РФ «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1]. Социальное государство определяют «как использование рычагов политической (государственной) власти для обеспечения справедливости в обществе. Оно означает государственное вмешательство в экономику, общественную жизнь» [2, с. 5].

Применительно к современному периоду нашего государства его важнейшей функцией является разрешение длительно действующего глубокого противоречия между бедностью и богатством. Порожденное этим феноменом неравенство превратилось в источник напряженности, угрозу для прогрессивного развития общества.

На заседании Госсовета, подводя итоги четырех лет своей работы в качестве президента, Д. А. Медведев значительную часть своего выступления посвятил проблеме бедности. По его мнению, бедность наряду с хаосом и насилием, унижает людей, угрожает их жизни. «Проблематично требовать высокого профессионализма и полной отдачи от людей, возможности которых ограничены унижительными рамками бедности» [3].

В этих словах нет ни грани преувеличения. Феномен бедности оставляет свой негативный след фактически на всех общественных отношениях, в том числе и связанных с преступностью, и на самой преступности, в которой в настоящее время можно выделить две главных составляющих: преступность бедных и преступность богатых. В структуре зарегистрированной преступности доминирует преступность бедных слоев населения. По официальным данным 74–76 % лиц, совершивших преступления, – это безработные и не имеющие постоянного источника доходов. Круг их преступлений – кражи ($\approx 40\%$), грабежи ($\approx 10\%$), разбои ($\approx 6\%$).

74

Преступность богатых (беловоротничковая преступность) включает в себя должностные преступления, присвоения, растраты, мошенничество, преступления в сфере предпринимательской деятельности, банковской сфере и т.п. Общее здесь то, что подавляющая часть преступлений посягает на собственность. Именно она становится криминально привлекательной для значительной части общества, а в истории человечества так и не нашлось мудрого законодателя, который, как считал К. Маркс, предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него [4, т. 1, с. 131]. Выходит, отношения собственности сами криминогенны и являются источником социальных бед и несчастий, а социалисты-утописты предвосхитили нынешнюю ситуацию, в которой собственность производит и приумножает не богатство общества, а его пороки, о чем предупреждали еще много веков назад.

Действительно, собственность несет в себе значительный негативный потенциал. Это достаточно выразительно отмечали еще в далеком прошлом. Так Томас Мор писал: «Где только есть частная собственность, где все меряют на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел, иначе придется считать правильным то, что все лучшее достается самым дурным, или удачным то, что все разделено очень немногим, да и те содержатся отнюдь не достаточно, остальные же решительно бедствуют» [5, с. 90], «поэтому я полностью убежден, что распределить все поровну и по справедливости, а также счастливо управлять делами человеческими невозможно иначе, как вовсе уничтожив собственность» [5, с. 164].

Не менее решительно выступал против собственности другой мыслитель – Г. Мабли: «...с учреждением собственности установлен страшный принцип – ничего даром» [6, с. 130]; «...я не колеблюсь считать эту злосчастную собственность первопричиной неравенства имуществ и состояний, а следовательно, всех наших зол» [4, т. 23, с. 91].

Негативные проявления частной собственности отмечались впоследствии многими исследователями. Английский экономист Т. Данинг писал: «Обеспечьте 10 %, и капитал согласен на всякое применение, при 20 % он становится оживленным, при 50 % положительно готов сломать себе голову, при 100 % он попирает все человеческие законы, при 300 % нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы» [7, с. 770].

В этой характеристике капитала отражается его сущностная особенность – стремление к самоувеличению, получению прибыли лю-

бой ценой, с полным игнорированием нравственных постулатов, юридических норм и любых других правил. Приведенные положения полностью экстраполируются на современную Россию, где частная собственность, начало которой было положено умышленно несправедливой приватизацией 1990-х гг., через распределительные криминальные механизмы привела к антагонистическим социальным противоречиям между богатством и бедностью.

Эти две соотносительные категории имеют весьма содержательный и ярко выраженный криминогенный эффект. «Если, говорит Гольбах, богатство — мать пороков, то нищета — мать преступлений. Когда государство плохо управляется, когда богатство и достаток распределяются слишком несправедливо, так что миллионы людей нуждаются в самом необходимом, тогда как небольшая кучка граждан утопает в роскоши, в таком государстве появляется много преступников» [7, с. 823].

Нынешняя преступность в России подвержена двойной детерминации — и бедностью, и богатством. Неравенство населения по этому признаку постепенно увеличивается. С 1991 г. коэффициент Джини, который свидетельствует о степени расслоения в обществе, вырос почти в два раза: с 0,260 до 0,423. Доходы 10 % богатых в 16,2 раза превышают доходы 10 % самых бедных. При уровне ВВП на душу населения 17 тыс. долларов за чертой бедности в России живут 13 % населения, что, по мнению специалистов, является нонсенсом.

В действительности реальное расслоение населения значительно выше, так как официальный уровень ВВП не учитывает долю (и значительную — 25—30 %) теневой экономики, доходами от которой владеет богатая часть населения [8].

Криминологический интерес представляет не само богатство и даже не стремление к нему, в этом нет ничего предосудительного, а его источник, способы распределения и перераспределения в обществе и, наконец, его потребление, использование. В современном обществе для представителей богатой части населения характерно безудержное, разнузданное расточительство, без всякого или мизерного труда, незаконно доставшейся собственности, которая омертвляется в недвижимости — яхтах, островах, дворцах в тысячи квадратных метров, транжируется на корпоративах, где приглашенным артистам платят сотни тысяч евро за сорокаминутные выступления, и т. д.

Таким фактам нет разумного оправдания, особенно на фоне сохраняющейся, ничем не оправданной бедности. По официальным данным, в России 18 млн граждан находятся за чертой бедности. Известно, что в России бедность уже нескольких поколений людей сформировала субкультуру бедности с присущей ей мировоззрением, моралью, ценностными ориентациями.

Такая ситуация должна обеспечивать неизбежный рост преступности. Однако, по данным МВД РФ, за последние пять лет показатели преступности неуклонно снижаются, что свидетельствует о сознательном и, возможно, небескорыстном стремлении соответствующих должностных лиц продемонстрировать собственные заслуги, даже путем искажения статистики, которые, по оценке Д. А. Медведева, не являются достоверными.

Учитывая долговременное действие отмеченных выше исключительно криминогенных факторов, позицию некоторых высокопоставленных представителей правоохранительных органов, следует обратить внимание на тревожный и объективный вывод о том, что «в таких условиях эффективная антикриминогенная политика невозможна, и профилактика сводится к написанию планов и отчетов» [9, с. 11].

Следовательно, криминологический институт предупреждения преступности, в котором находят отражение все теоретические разработки на предмет их значимости, пригодности и эффективности в деле борьбы с преступностью, становится ненужным, неиспользуемым и в конечном счете означает полную утрату государством функции противодействия преступности.

Сложившуюся ситуацию необходимо срочно исправлять.

Для того чтобы приостановить разрушительное воздействие криминогенных факторов, порождающих преступность, прежде всего наиболее опасную на сегодняшний день коррупционную и организованную, надо незамедлительно принять ряд совершенно не затратных по их исполнению законов.

1. Восстановить в полном объеме дополнительное наказание — конфискацию имущества. Об этом много и убедительно говорилось в научной литературе, в том числе и автором этой статьи [10].

2. Расширить понятие субъекта преступления в российском уголовном праве включением в него юридических лиц.

Реализация этих положений даст быстрый и эффективный результат, поскольку лишит коррупционную и организованную преступность экономической базы и существенно ограничит возможности масштабной преступной деятельности.

3. Прекратить хаотичное уголовно-правовое законотворчество без элементарного осмысливания и обоснования, а подчас и вопреки здравому смыслу. Процесс принятия — отмены для ряда норм пошел по второму кругу. Многие ранее отмененные нормы вновь восстанавливаются. Это касается административного надзора, принудительных работ (ранее — похожее на них условное осуждение с обязательным привлечением к труду), исправительных работ по месту работы, состава клеветы и т. д. По подсчетам В. В. Лунева, после принятия УК 1996 г. за 11 лет было внесено более чем сотни федеральных законов, свыше 3000 изменений и дополнений [11, с. 64]. Не меньшее число изменений и дополнений внесено и в последующие годы до настоящего времени.

Столь интенсивному и вредному законотворчеству способствуют и малообоснованные предложения о включении в уголовное законодательство новых статей, норм, предусматривающих ответственность за незаконное проникновение в чужие помещения, в том числе нежилые, на чужие территории, проведение медицинских опытов над людьми независимо от их согласия, клонирование человека, организацию «голодомора» в отношении лечащихся в больницах, невыносимые условия в домах престарелых, фальсификацию лекарств, людоедство [12, с. 23], договорные матчи в футболе [13].

Приведенные предложения ничем не обоснованы, нерациональны (договорные матчи) либо вообще нелепы (людоедство). Здесь усматриваются стремление авторов произвольно расширить круг уголовно-правовых деяний и непонимание возможностей уголовного закона, которые сами по себе ограничены.

Другая крайность — выдвигание задачи уничтожения коррупции в России, главной причиной которой является существование человеческих пороков. Порок, как считает автор этого предложения, — недостаток нравственный, духовный, то, что противно истине и добру: зло и ложь как свойство, качество человека, всякое нравственное извращение, искажение, склонность к худу, к дурной жизни [14, с. 24].

Уничтожение коррупции, как и всей преступности, — задача фантастическая, нереальная, а отнесение к главной причине коррупции безбрежно широких категорий, противоположных истине и добру, лишает практически значимых ориентиров деятельность по предупреждению преступности, делает ее беспредметной, абстрактной.

Стратегическое направление в борьбе с преступностью вообще и с коррупцией в частности — это борьба с бедностью. По уровню коррупции Россия занимает 146 место в мире. Следует отметить сложившуюся закономерность — чем беднее страна, тем выше коррупция, и наоборот — богатые страны в меньшей степени подвержены коррупции, чем бедные. Появляется заколдованный круг — чтобы уменьшить коррупцию, надо стать богаче, а увеличение богатства произойдет только при уменьшении коррупции.

Однако и экономические возможности нашего государства для снятия криминогенных противоречий, порождаемых феноменом бедности, беспрецедентны. Как отметил президент РФ В. В. Путин, «на нашей территории сосредоточено порядка 40 % мировых природных богатств. А население — это лишь 2 % от жителей земли» [15]. Следовательно, надо рационально использовать колоссальный потенциал условий для гармоничного развития нашего общества без вопиюще несправедливого, преступного, искусственного разделения людей на бедных и богатых. Пора, наконец, при производстве, распределении и перераспределении созданного обществом ВВП учитывать хорошо известные со Средних веков экономические закономерности, а также вернуть в социальную жизнь выброшенные ретивыми реформаторами нормы нравственности, справедливости, здравый смысл. Причем это надо делать сейчас, ибо бездействие, бесконечное обсуждение программ, планов развития вплотную подвели общество к той грани, за которой нет прогрессивного развития.

Очевидно, что для активного противодействия преступности необходим целый комплекс взаимосвязанных, актуальных и эффективных средств. Прежде всего, надо активно использовать малозатратные правовые средства. Это уже упоминавшиеся конфискация имущества и уголовная ответственность юридических лиц, значительное ужесточение уголовного наказания, особенно за должностные преступления и преступления против собственности. Мировой опыт показывает, что ужесточение уголовного наказания приводит к снижению преступно-

сти. Противники ужесточения уголовного наказания отмечают, что самые суровые наказания не ликвидируют преступность. С этим, конечно, нужно согласиться, но никто из современных криминологов и не говорит о возможности искоренить преступность — это вечное, неистребимое явление. Однако снизить ее уровень с помощью жесткого уголовного наказания, безусловно, можно. Примером тому Китай, где отмечается очень низкий уровень преступности — 300 преступлений на 100 тыс. населения [16, с. 353]. Почти нет преступлений против собственности в Иране, где за них в Уголовном кодексе предусмотрены членовредительские наказания.

Нельзя согласиться с позицией, в соответствии с которой не следует ужесточать уголовные меры борьбы с коррупцией, поскольку путь к ее минимизации лежит в мучительно медленных демократических преобразованиях, установлении гласности, открытости власти, честных, реально альтернативных выборах, в возврате к конституционной модели управления и дальнейшей ее модернизации на демократических, либеральных началах [17, с. 16]. Ю. А. Дмитриев правильно называет этот путь долгим, мучительно медленным и потому, по нашему мнению, совершенно неприемлемым, что он обрекает многие поколения людей на нищенское, убогое существование, при котором недоступны элементарные блага цивилизации, и в то же время дает новый импульс для преступности, уничтожающей возможности населения страны улучшить свою материальную обеспеченность, приобщиться к культуре, укрепить здоровье, продлить жизнь, решить бытовые проблемы и т. д. Сложилась парадоксальная ситуация: за кражу имущества на несколько сот (а в практике встречались случаи и несколько десятков) рублей не колеблясь назначают наказание в виде лишения свободы. В отношении коррупционеров, причиняющих значительный материальный ущерб (по сути обкрадывающих бедняков), сознательно выбирается «долгий и мучительный путь борьбы», проявляется трогательная забота о том, как бы не обидеть крупного махинатора и предоставить ему возможность откупиться малообременительным для него штрафом в любом кратном исчислении. Для малообеспеченных (безработных и лиц, не имеющих постоянного источника дохода, составляющих более 70 %) вместо штрафа применяются более строгие виды уголовных наказаний за несопоставимо менее опасные преступления.

Все это говорит о том, что в деле предупреждения преступности необходимо использовать весь арсенал средств, включая и жесткие меры уголовной репрессии, возможности которых из-за неоправданно либерального отношения к организованной, беловоротничковой преступности вовсе не используются.

Для того чтобы заложить основы эффективной борьбы с преступностью, необходимо дать конкретную уголовно-правовую оценку травмирующей общество своими негативными последствиями криминальной приватизации 90-х гг. прошлого века с применением мер уголовно-правового характера и возвращением награбленного народу. В. В. Путин признал, что «многим нашим осужденным олигархам достались многомиллиардные состояния в результате несправедливой и

нечестной приватизации. Это абсолютно точно, это факт... Однако если сейчас начать отъем этой собственности, это может привести к худшим последствиям, чем сама нечестная приватизация... Поэтому задачей государства являются не разговоры о национализации... а разговор о том, чтобы поставить в стойло этих людей, заставить их работать по закону и платить налоги...» [18].

Не относит себя к сторонникам нового передела собственности и наказания олигархов и известный ученый-криминолог В. В. Лунеев. Он предлагает законно повестить им на шею табличку «Я вор», что было бы, по его мнению, справедливо [11, с. 59]. Такой вид наказания, относящийся к позорящим, был известен еще со времен Воинского Артикула Петра I и к концу XIX в. в законодательстве уже не встречался.

Всякий вид наказания направлен на лишение того блага, которым человек располагает и которым дорожит. Приватизация убедительно показала, что при ее проведении были напрочь отброшены всякие нравственные ценности, постулаты. Доминировали корысть, алчность, несправедливость. Вешание таблички, бирки имеет целью воздействие на нравственные качества виновного, пробуждение чувства стыда, раскаяния, вины и т.д. Однако поведение приватизаторов показало, что таких качеств у них просто нет, поэтому наказательный эффект не проявится.

Наиболее опасным при приватизации являются не резкая имущественная дифференциация, несправедливость, нечестность, цинизм и прочее, а то, что произошло преступное сращивание бизнеса и власти, капитала и властных структур — государственных и партийных. Сложился особый вид организованной высокодолжностной, элитной преступности с колоссальными возможностями в принятии любых политических и экономических решений. Борьба с преступностью в этих условиях ограничивается возможностями участкового инспектора, максимум районного ОВД, да и то это касается отдельных общеуголовных преступлений. Иная, более высокого уровня (регионального и федерального) преступность размещается в соответствующих нишах властных структур, политических организациях, выполняя наряду с легальными и криминальные функции.

Вот почему институт предупреждения преступности и профилактическая работа превращаются по сути в фарс, поскольку «никакой экономики, никакого соблюдения прав человека, никакой демократии, никакого правопорядка, никакой модернизации нельзя достигнуть в условиях господства изощренного, безнаказанного, властного криминала» [11, с. 59].

Это серьезная ситуация, которой дал оценку и председатель Конституционного суда РФ В. Зорькин: «...юридически далеко не бесспорная постсоветская приватизация, а также последующие, очень часто неправовые процессы передела и перераспределения собственности — одна из ключевых болевых точек российской социально-экономической и политической системы. И одновременно один из главных барьер-

еров на путях развития нашего общества и государства...» Положение усугубляется глубочайшим социальным расслоением общества, которое не только не уменьшается, но и растет. Именно это создает в стране «весьма массовую... — "антиправовую нормативность" коррупции и кумовства, которая вот уже два десятилетия разъедает российский социальный и государственный организм». Естественно, все это «вызывает как низовой, так и элитный протест. Такой протест не может не адресоваться единственному генеральному институту, который "по определению" за все вышеописанное отвечает, — государству. Государство, которое все это много лет допускает, ощущается как несправедливое. А государственная власть, которая не может или не хочет переломить негативные тенденции, как власть чуждая и неправедная» [20].

Очевидно, что это — антагонистические противоречия, которые должны разрешаться в интересах общества с помощью государственных структур, очищенных от скверны криминала.

Правовых рычагов для эффективного воздействия на преступность (коррупционную и элитную) и ее предупреждения на сегодняшний день нет. Их можно создать на основе принципов здравого смысла и нравственности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Государственный гимн Российской Федерации. М., 2012.
2. Мартышин О.В. Идея социального государства и ее противники // Государство и право. 2011. №12. С. 5—15.
3. Президент Медведев на заседании Госсовета подвел итоги 4 лет работы и определил задачи на будущее // Российская газета. 2012. 26 апр. — 2 мая.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. М., 1955—1981.
5. Мор Т. Утопия. М. ; Л., 1978. С. 90.
6. Мабли Г. Избранные произведения / пер. с франц. Ф.Б. Шуваевой. М. ; Л., 1950.
7. Теодорович М.Ф. П. Гольбах как криминалист // Вестник советской юстиции. 1924. №24.
8. Грицюк М. Порок бедности // Российская газета. 2012. 30 марта.
9. Клейменов М.П., Клейменов И.М. Престиж криминологии в мире и в России // Криминологический журнал. 2012. №1.
10. Миненок М.Г. Борьба с организованной и коррупционной преступностью в России: Реальность и перспективы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. №9. С. 73—85.
11. Лунеев В.В. Модернизация в условиях преступности // Государство и право. 2012. №5. С. 56—67.
12. Панченко П. Н. Уголовное право как право своего времени (о концепции современного уголовного права) // Криминологический журнал. 2012. №1.
13. Степашин С. Почему не сажают за договорники? // АиФ. 2012. №21.
14. Трунцевский Ю.В. О мерах по уничтожению коррупции в России // Российский следователь. 2012. №1.
15. Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. 2012. 13 февр.

16. Ведерникова О. Н. Криминальная ситуация в России в свете мировых тенденций // Российский криминологический взгляд. 2009. №2. С. 347 – 354.

17. Дмитриев Ю. А. Борьба с коррупцией: фикция или реальность? // Государство и право. 2012. №5. С. 12 – 16.

18. Российская газета. 2011. 16 дек.

19. Зорькин В. Россия: движение к праву или хаосу? Социально-государственный кризис и правовая система // Российская газета. 2012. 26 янв.

Об авторе

Михаил Григорьевич Миненок – д-р юр. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: MMinenok@kantiana.ru

About author

Prof. Mikhail Minenok, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: MMinenok@kantiana.ru